

Юрий Озаровский

Как собирался «Старый Домик»?

(Из впечатлений коллекционера)

С тех пор как я себя помню, меня влекло к старине. Это у меня в крови, а рассказы и матери, и отца о былом были лучшими минутами детства.

Занятие искусством углубило интерес к старине. Особенно режиссура оказала значительное в этом смысле влияние, все время ставя вопрос: «Как это было в старину, в эпоху той или иной пьесы, которую ставишь?» И когда в 1899 году я приобрел 5—6 старинных вещей, чтобы ими украсить свой кабинет, где-то в тайнике души я лелеял уже мечту: «а хорошо бы впоследствии... если, разумеется, окажется возможным»...

Через три года после того, когда я получил диплом члена Археологического института по окончании в нем курса (возня со стариной толкнула меня туда), я был уже обладателем небольшой коллекции. Тут было несколько голландцев в мебели, моржовая кость, медь, стекло, фаянс и ткани петровского времени, приобретенные мною у антиквара Кузнецова в Апраксином. Выбор петровской старины не был случайным: «я живу в столице Петра, и быть не может, чтобы не нашлось здесь чего-либо от его времени», сказал я себе, и в первую же «прогулку» за стариной я обрел несколько предметов.

Озираясь теперь на пройденный моим «Домиком» путь, должен сказать, что я поступил правильно, обратив своевременное внимание при собирании старины на старейший (а не на красивейший, например) период Петрограда, который теперь уже почти вовсе отсутствует на рынке. Рядом с этим не могу не признать верным решение и другого вопроса, который невольно возникает перед каждым собирателем (и который у меня возник тогда): «что собирать?», когда я сказал себе: «все, все что ни попадает под руку, раз это только сколько-нибудь типично». Преклоняясь идейно перед всяким направлением или «толком» в собирательстве, психологически и эстетически никак не могу понять нумизмата или калькографа, в долговременных поисках предметов «своих» спокойно проходящих мимо чудесного фарфора, прелестной мебели или очаровательной ткани. Только благодаря такому «всёчеству», коллекционер моего пошиба, могущий тратить не более, как свои

трудовые сбережения, получает возможность в небольшой сравнительно промежуток времени собрать сколько-нибудь исчерпывающий ансамбль предметов. Вне же ансамбля нет «диалога» вещей, нет той убедительной для нашего сознания беседы, которую ведут они, когда они вместе, и всеми своими признаками так чудесно дополняют друг друга до полной характеристики эпохи.

В первые годы своего коллекционерства я побывал, и в качестве артиста, и в качестве простого путешественника, во многих старинных городах коренной России, и здесь я собрал довольно много предметов народной и церковной старины. Особенно много дали мне Псков, Новгород, Углич, Ярославль, Ростов Великий, Романов-Борисоглебск, Кострома, Вологда.

Нет ничего пленительнее, как в чужом городе бродить по рынкам, толкучкам, «развалам», заглядывая в лавки и лавчонки местных торговцев «старьем». Чего, чего только не увидишь тут! Здесь и музыкальные инструменты, и иконы, и поломанная старинная мебель, и граммофоны, и игрушки, и оружие, и медь, и стекло, и бисер, и кости мамонта. Кругом галдят, шумят, зазывают, и через час толкотни по такому развалу на каком-нибудь «Магистратском дворе» вы и сами не успели заметить, как стали собственником чудесной старинной иконы новгородских писем, превосходной, украшенной гравюрами какого-нибудь Чесского или Галактионова, редкой книги, увесистого медного шандала с елизаветинским орлом, прелестного, вышитого бисером, николаевского альбома или пылающей яркими красками чашки поповского фарфора. С какой жадностью сносите вы все это в снятый вами номер гостиницы, в котором поджидают вас не только приветливо пытящий самовар и баранки с маслом, но и две или три солдатки, или мещанки с посада, приторговывающие стариной, или старичок-еврей, часовых дел мастер, местный антиквар и нумизмат, проведавший от швейцара гостиницы, что вы не прочь приобрести и «особенно ценные предметы», оставшиеся от «промотавшегося князя М.» или «разорившегося графа С.».

Вы еще на рынке вдосталь успели насмотреться на типичность наряда и всего внеш-

него обличия торговцев, там еще изумлялись вы находчивости, образности и живописности их речи и прибауток; все же там вам было немного не до того: на рынке невольно скользишь мимо всего; здесь же, за чайком, в мирной и неторопливой беседе с этими милыми людьми, желающими не только сбыть вам товар, но и искренно быть вам полезными, вы изучаете и их самих с их обликом, и их город с его интересами, тревогами и новостями.

Все же большинство предметов моего «Домика» я приобрел в Петрограде, рыская по Александровскому рынку или заглядывая (значительно реже уже) в маленькие антикварные лавочки, разбросанные в разных пунктах столицы.

Эти «приюты» старины в моих глазах гораздо интереснее, а подчас и ценнее для собирателя, нежели те «шикарные» магазины с лаконической вывескою Antiquite, каких так неожиданно много развелось нынче в Петрограде.

Правда, процесс отыскивания старины в лавчонках длительный, и первое впечатление от товара, наполняющего их, это свал какого-то хлама, но, если вы собиратель, первое, чем вы должны располагать, это терпение и глаз, и если то и другое в вашем распоряжении, успех придет. Медленно и «остро» рассматривая этот хлам, вы непременно отыщете в нем и гравюру, и бронзу, и стекло, и ткань, и книгу, и морскую кость.

Утверждение, что в каждый данный момент в каждой данной лавчонке можно найти что-нибудь очень любопытное, следует положительно принять за общее правило.

Острый глаз необходим собирателю, чтобы быстро и отчетливо различать очертания отдельных предметов. Собиратель с острым и внимательным зрением, попав в магазин старинной мебели, быстро обежав взором всю массу предметов, непременно остановит свое внимание на ножках мебели и, отличив среди множества их стул с ножками, выгнутыми наподобие лапок, тотчас же спросит у сидельца: «А что это там за стул с лапками?» — «А этот тут оставши один в роде как бы из немецких...» — «А нельзя ли взглянуть поближе?» — и через четверть часа вы обладатель чудесного петровского голландца красного дерева.

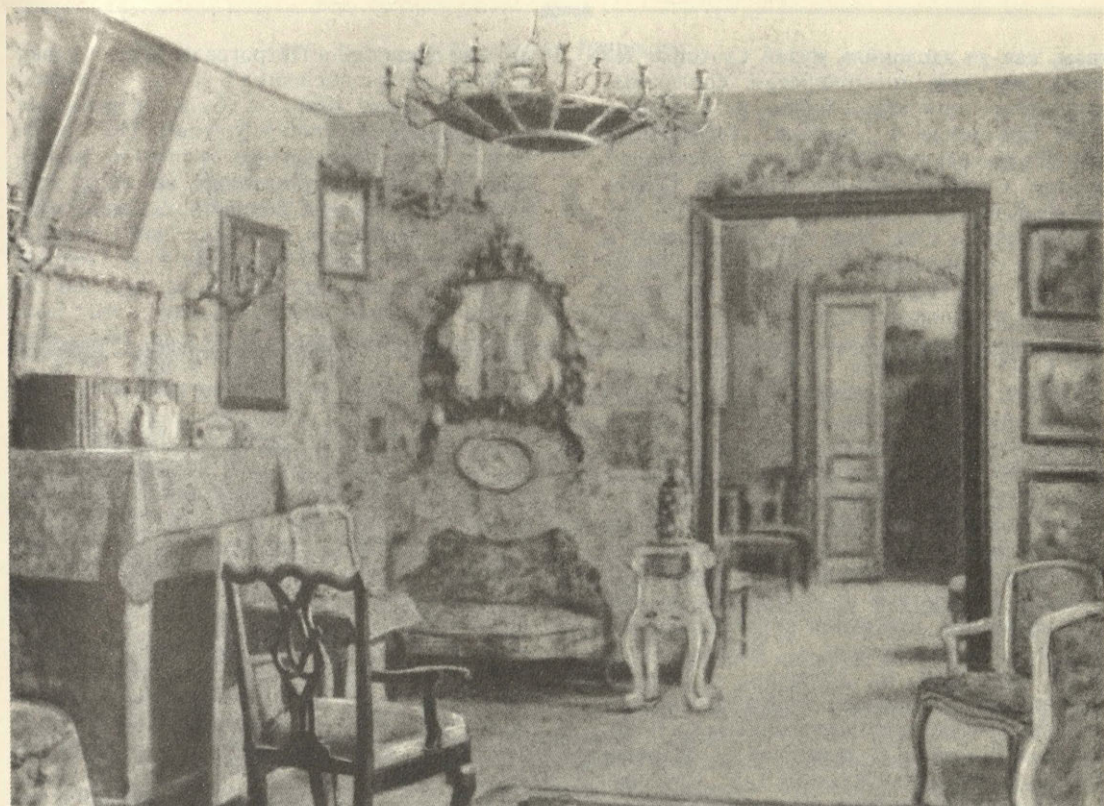
Вспоминая покупку моих «стариков», я мог бы много сообщить любопытного в этом отношении. Расскажу для примера об одном случае.

Очутился я в Орлове, куда попал, будучи командирован Главным управлением военно-учебных заведений для прочтения лекций с демонстрациями по предмету русского художественного чтения в местном кадетском корпусе. С занятиями я уже покончил, завтра мне уезжать в Ярославль, а сегодня вечером директор корпуса, со свойственным

всему нашему военному сословию гостеприимством, просит на «чашку чаю». Кончилась эта «чашка чаю» часов в пять утра, и вот, на рассвете я спускаюсь по лестнице в вестибюль генеральского особняка. Швейцар, старый-старый старичок-служивый, подает мне шинель, и, пока я роюсь в портмоне, чтобы дать ему за услуги, я вижу через узкую дверь в низок в комнате швейцара, в робких лучах утреннего солнца, контур петровского кресла. «А что это у вас там внизу за кресло?» — спрашиваю хлопочущего около моих ботигов старика. «А это кресло древнее-предревнее: еще генерал N, не изволили слышать? при императоре Александре Николаевиче состояли у нас в директорах, как получили дивизию, так на память мне завещали. Дедовское оно им. Только надоело оно мне, цепляет очинно ручками, а в комнате у меня тесно». — «А не продадите ли вы мне его?» — с напускным безразличием в тоне спрашиваю я старика. «А и с превеликим удовольствием, ежели пятерочки не жалко». — «Так упакуйте его в рогожу и пришлите мне на вокзал, получите вдвое». — «Покорнейше благодарю, ваше высочкоблагородие». И к отходу поезда превосходное голландское кресло, почти «портретное» изображение, которого я имею на хранящейся в «Домике» старинной прелестной голландской же гравюре с Троишта, теперь лучшее украшение Елизаветинской комнаты «Домика», своевременно доставлено стариком на вокзал.

Не малую услугу, конечно, оказывает собирателю знание, и, с благодарностью вспоминая лекции в Институте, книги и увражи по искусству и археологии, изучавшиеся мною, с особою признательностью должен я обратиться к тому искусству, которому посвящена моя жизнь и которое приучило меня любовно изучать не только человека, но и все то, что создается им. Я постоянно говорю: вещей нет, есть только строительный материал; все же, что создано человеком, полно им и его значения, поэтому всякая вещь так же человечна, так же психологична, как и сам человек. Вещи — это знаки людских отношений, и кто умеет их раскрывать, тот вдвойне любит человека. Но, чтобы раскрыть эти знаки, надо их изучать и прежде всего собирать. Человек же прошлого уже не с нами, он уже не вступает в непосредственное сношение с нами, и изучить его психологию можно только через эти, оставленные им, «знаки».

Несколько предметов в моем «Домике» досталось мне из дома покойного Э. Р. Сутгофа в Пскове. Что это был за очаровательный дом-музей! Слава плюшкинского (также псковского) собрания, основанного на трогательном крохоборстве, этом наивнейшем виде коллекционерства, но отвечающем степени понимания этих вопросов большин-

Елизаветинская комната «Старого Домика» (Музей Ю. Э. Озаровского)

Петровская комната «Старого Домика» (Музей Ю. Э. Озаровского)

ством, как-то заслоняла музей Сутгофа. На самом же деле плюшкинская коллекция, суцая коллекция старьевщика, не шла ни в какое сравнение с дивным, органически (ибо исторически) сложившимся ансамблем старины Сутгофа. Но два слова о Сутгофах вообще.

Сутгофы — это, как мне передавали в Пскове, старая шведская купеческая фамилия в Пскове и Нарве. Со времен Петра, лично знавшего и ценившего Сутгофов, они — ратманы и городские головы в этих городах. Еще в XVII в. в Пскове Сутгофы строят в русском стиле (чужесная, до сих пор существующая, к счастью, архитектура, никем, однако, не изученная и даже, кажется, не отмеченная) дом. Заполняют его шведско-голландской обстановкой той прелестной, в смысле домашнего уюта, эпохи. С этого же времени начинается рост этой обстановки, сообразно вкусам последующих поколений. Сутгофы так богаты и популярны в русском населении, что у них останавливается, при посещении Пскова и Нарвы, Петр. В XVIII и XIX ст. Сутгофы — именитые, по-барски живущие купцы. Последние поколения их сознательные ценители и собиратели старины. Судите, что за очаровательное сокровище был дом Э. Р. Сутгофа, который я изучал в 1903 году, собирая материалы для подготавливающегося тогда к богато иллюстрированному, в бытовом отношении, изданию под моей редакцией «Горя от ума». Какие мебели, картины, бронза, медь (старая голландская и шведская), фаянс, фарфор! Вся столовая чуть ни от пола увешана была редчайшими чашками, блюдами, тарелками и блюдами, не считая того, что было в горках и витринах.

Мало того, среди этих коллекций был целый ряд предметов, имевших отношение к Петру Великому. Это те вещи, которыми пользовался император, гостя в доме Сутгофов. Э. Р. показывал мне кровать, на которой почивал Петр Алексеевич, чудесные голландские красного дерева столик и кресло из комнаты, которая отводилась государю, оловянную кружку и подкружечник, чернильницу и другие предметы его обихода. Особенно чувство восторга и благоговения вызывали во мне столик с медными ручками в стиле петровского рококо и дубовое кресло, обитое прелестной сарафанной материей того времени.

Но вот Э. Р. умирает, а местный банк, который, вследствие финансовых отношений к нему покойного, явился наследником этого сокровища, заблаговременно уведомив о близкой кончине владельца (последнее время он сильно хворал), быстро продал дивные коллекции Э. Р. знаменитым иностранным антикварам. Труп, как говорится, не успел еще остыть, как все это вывезли за границу, и только незначительная часть коллекции осталась почему-то в России и очути-

лась на аукционе в Петрограде. Едва я узнал об этом, тотчас поспешил в камеру аукциона. Там, при свете огарков (были октябрьские дни предманifestной забастовки 1905 года), нашел я незначительную группу любопытных, и среди выставленных вещей с трепетом в душе узнал большинство моих сутгофских любимцев и между ними столик, кресло и оловянный подкружечник с маркой Петра: парящий над горизонтом, украшенном двумя звездами, орел и надпись над ним: «красота величества». Тут же я дал себе слово никому не уступить этих вещей. Начался аукцион. Столик и подкружечник достались мне сравнительно легко, но кресло, мое чудесное кресло, с подпернутой дымкой патины дивной голубо-лиловой с кирпичным материей облюбовано покупателями и быстро растет в цене. На каком-то пятом или шестом десятке рублей мои назначения оспариваются только одним, знакомым мне голосом. Всмотриваюсь в темноте в того, кому он принадлежит: Ю. Д. Беляев. Это удваивает мой азарт: с гривенника надбавок перехожу на рубль. Через минуты-две цена на кресло вздута мной же самим невероятно. Ю. Д. Беляев безнадежно машет рукой. Кресло, к великой моей радости, остается за мной.

Просматривая описи моего собрания и заметки по поводу покупки вещей в записных книжках, я вижу, что приобретались они не только в Петрограде (большинство вещей) и в тех городах, которые я упомянул выше, но также и в таких, отдаленных друг от друга, пунктах, как Нарва, Митава, Царское Село, Петрозаводск, Нерехта, Изборск, Архангельск, Тихвин, Воронеж, Астрахань и много других.

Несколько предметов, при условии, что они несомненно русского происхождения или имеют непосредственное отношение к России, приобретены за границей.

Главнейшая масса предметов собрания приобреталась покупкой и только несколько из них составляют или мое фамильное достояние, или дарение отдельных лиц. В ряду предметов последней категории нахожу уместным упомянуть колоду прелестных по стилю польских игральных карт конца XVIII или самого начала XIX в. (Fabrika Kart Kraiova J. C. Du Fort w Warszawie). Это подарок моему «Домику» глубоко чтимого товарища моего по сцене К. А. Варламова. Нужно было видеть, с каким умилением этот великий художник уходил воспоминаниями в старину, рассматривая мои коллекции. О картах, подаренных им музею, он мог сообщить только, что предназначались они специально для игры «в ром» и подарены они были ему в свою очередь когда-то полковником Рютчи. Карты эти любопытны тем, что в них присутствуют фигуры дам и основным знаком является фигура чаши.

Из журнала «Столица и усадьба», 1914, № 18